

## **А. Г. ПОГОНЯЙЛО**

*Доктор философских наук, профессор  
Санкт-Петербургский государственный университет*

### **ИДЕИ И ИДЕОЛОГИИ (ОПЫТ СЕБЯ КАК ВЫХОД В ЛОГИЧЕСКОЕ)**

Резюме: один тезис. Он сформулирован в заглавии. Опыт себя это выход в логическое. В этом смысле практики себя — ключевой и основополагающий элемент любой культуры. Практика себя (опыт себя) со-держит целое, со-держащее в себе то себя, которое в этом целом в себя приходит (проходит через опыт инициации).

*Ключевые слова:* опыт себя, практики себя, искусство обращения, выход в логическое.

## **A. G. POGONJALO**

*Doctor of Science (Philosophy), Professor  
St. Petersburg State University*

### **IDEAS AND IDEOLOGIES (THE EXPERIENCE ITSELF AS A GATEWAY TO THE LOGIC)**

Abstract: there is only one point for discussion and it is formulated in the title. We mean that experience of one self is a way to the logical. From this perspective the practice of the self is a key and underlying element of any culture. This practice (the experience of oneself) contains the whole which in its turn is inclusive of that self which reaches the self as part of the whole (passing through the experience of initiation).

*Key words:* experience of my self, practices of the self, art of conversion, outcome to the logical.

Когда-то Хосе Ортега-и-Гассет разделил идеи и верования. Идеи имеют, в верованиях пребывают. Идеи в этом контексте это мысли в голове. Верования — некая естественная среда обитания. Что-то похожее на анаксименов воздух, который не явлен взору, поскольку «однородно усреднен». Его замечают, когда он приходит в движение. Или когда его начинает не хватать. Из этой нехватки и являются мысли в голове по поводу собственных верований.

Выход всегда открыт, но он не очевиден. Муха не возвращается по своим следам, человек лезет через дымоход вместо того, чтобы обернуться и увидеть открытую дверь. Странно, что именно оборачивание размыкает порочный круг, в котором кружатся гонимые своими желаниями муха и человек. Этот круг — та же платоновская пещера, некое замкнутое пространство, в которое нас поместило наше рождение, и в которое мы внедряемся, вживаемся,

выращивая и наращивая необходимые для этого «органы», и тем самым в свою очередь создаем и структурируем «под себя» свое жизненное пространство. И чем успешнее мы с этим делом жизни справляемся, тем безвыходнее становится наше положение. Чем больше мы решаем проблем, тем больше их себе создаем. И это не какие-нибудь надуманные, а самые что ни на есть настоящие проблемы, речь ведь о выживании... Их и в самом деле приходится решать. «Но насколько поступательное движение [прогресс — А.П.], каким живое существо внедряется в пространство, кажется естественным, настолько же противоположный шаг необычен» [1, С.12].

Он необычен и неестественен этот шаг, тем не менее, это единственный способ войти в *пространство логического*, т. е. стать животным *словесным*, причаститься Логосу, или Закону. Шаг, который совершается *от себя к себе*, оборачивает к *началам смысла* и — тем самым — помещает совершившего его в *мир*, оказываясь *мирообразующим*.

Обратная направленность этого шага схвачена его традиционным именем — *рефлексия*. Не «думание о», но «обращение на». Рефлексия это *обращение на себя*, впервые собой *делающее*. Мы все заложники возвратного залога. Отсюда другое, тоже традиционное имя образовательного шага — *пайдеиа*.

Необычность и непонятность этого шага вызывает вполне объяснимое недоумение: *куда, зачем, на что*, оборачиваться? И вполне естественное *нежелание этот шаг сделать*, раздраженное ему *сопротивление*. Это первое, с чем сталкивается философ (платоновский Сократ — самый яркий тому пример), для которого (для философа, для Платона, во всяком случае) сам шаг и есть — главное дело философии. С тем, что для Платона это было именно так, спорить не приходится. Иначе с чего бы ему на старости лет писать то, что он написал в VII письме. А именно, что учение философии не может быть изложено в словах (*математа*), и что у самого Платона по этим вопросам нет никакой записи и никогда не будет.<sup>1</sup>

Итак, главное дело философии, *рефлексия*, сильно отличается от напряженного и сосредоточенного *думания о* чем-то, каковым мы бываем *поглощены*, когда решаем или пытаемся решить какие-либо проблемы и преследуем какие-то цели.

Рефлексия в старом смысле античной *заботы о себе* всегда была неким опоминанием, приходом в себя. Опомнившийся — это тот, кто, вспомнив себя, отделился от собственных чувств, ощущений, стремлений, мыслей ... и неожиданно обрел мир в душе и почву под ногами, хотя, по видимости, никаких проблем не решил.

---

<sup>1</sup> «У меня самого по этим вопросам нет никакой записи и никогда не будет. Это не может быть выражено в словах, как остальные науки; только если кто постоянно занимается этим делом и слил с ним всю свою жизнь, у него внезапно, как свет, засиявший от искры огня, возникает в душе это сознание и само себя там питает» [5. С.493]. В «Филебе» Сократ говорит, что путь познания сущего указать легко, но следовать по нему трудно (Phil. 17 d-e).

Противоестественный шаг от себя к себе поместил его в *целый мир* (мир — он всегда целый), можно сказать, снабдил миром.

Он ввел его в пространство логоса, или, что то же самое, в *логическое пространство*.

«Логическое пространство создается не содержательной мощью. Материально оно пустота, оформленная так, чтобы впустить в себя всё» [1, С.237].

Потому речь и идет о *мистике* обращения (в том смысле, что о нем невозможна наука, разве что абсолютная, как у Гегеля), что к целому мира не придешь последовательными шагами (разве что абсолютно точно так же, как его не получишь путем все более подробного описания. *Чтобы была последовательность шагов, мир уже должен быть целым*; всякая сколь угодно подробная детализация описания возможна из целостности мира. Не наоборот. «Прогрессивное» вживание в жизненное пространство, его освоение и присвоение ограничены сроком нашей жизни и действиями других «вживающихся». Эта граница есть некий *лимит (limes)*, который всегда может быть отодвинут, изменен в ту или другую сторону обстоятельствами нашей жизни. Ограниченное лимитом никогда не «впустит в себя всё». Лимит это постоянная недостача, если и получающая имя бесконечности, то *плохой*. Граница *целого* мира задана не лимитом, но *пределом (перас)*. Мир цел не как ограниченный *чем-то*, например, другим миром, а как сам собой ограниченный. Он цел абсолютно. Хотя в разные исторические эпохи по-разному.

Это называется *пониманием бытия*. Бытие таково, что оно всегда уже как-то понято. Быть в мире и спрашивать о смысле бытия — одно и то же. В этом смысле Хайдеггер говорит о Dasein как существе мирообразующем. Но оно — собственно Dasein только тогда, когда «оборачивается» на себя, — спрашивает о смысле бытия.

Мы оборачиваемся — приходим в себя (в мир), *сущее схватывается в понятии*. Это одно и то же событие. Схоластика на сей счет выработала точную терминологию. У нас, спрашивающих о вещах, *что это такое?*, складывается *объективное понятие* вещи. У философов, задающих тот же самый вопрос о *сущности* (субстанции) всему что ни есть, т. е. сущему (в целом), имеется *объективное понятие сущего*. Но объективное понятие — это завершение процесса познания, и *предметом* нашей мысли (т. е. именно объективным понятием) вещь или сущее *становятся*. Они становятся им в точечном событии *понимания*, или *схватывания сущего в понятии*, каковое получает наименование *формального* (или *актуального*) понятия сущего.

Говоря о «схватывании сущего в понятии», надо, конечно, понимать, что так или иначе понимаем, или схватываем в понятии, сущее, конечно, *мы*, кто же еще, но так, что оно *само* схватывается в понятии, схватывается (нами) так, как само по себе позволяет сделать это, и *мы* (тоже — сущие) тут, скорее, свидетели и орудия, чем активные деятели. Сущее таково, что схватывается, или может быть схвачено, в понятии. При этом истинность *наших* понятий о сущем напрямую зависит от того, насколько нам удалось не привнести в наше понятие о сущем ничего от себя, дав ему самому схватиться в понятии. Поэтому

Гегель и говорит о мышлении *в стихии (элементе) понятия*, снимающем проблемы, создаваемые *мышлением понятиями*.

Пока мы *мыслим понятиями*, так сказать, «готовыми» понятиями (*nur Begriffe*), усвоенными нами в ходе естественного вживания в жизненное пространство, мы мыслим абстрактно-рассудочно, и только противоестественное *оборачивание на самих себя мыслящих* выводит нас в *логику как собственное пространство мысли*, в *схватывание* (*Begreifen*) самого по себе сущего в *понятии*. (По Гегелю, как известно, у *логического* — *das Logische* — три стороны: абстрактно-рассудочная, отрицательно-разумная и спекулятивная).

Абстрактно-рассудочное мышление готовыми понятиями (такими, как «субъект», «объект», к примеру) потому и является абстрактно-рассудочным, что не обернулось на «схватывание» сущего в понятии, которое *всегда уже* случилось за нашей спиной и сформировало нас и язык, на котором разговаривает наша культура, т. е. мы сами, не ведая о том, что «все то, что мы с привычной беглостью почитаем за действительное, мы видим в свете идей» [6, С.348] (сквозь призму этого языка). Для Гегеля, как и для Аристотеля, *первое для нас* — вещь как *предмет* — это *последнее по природе*. И наоборот, первое по природе (аристотелев ум-перводвигатель, или гегелевское Понятие) — последнее для нас. К нему-то мы и оборачиваемся, и это — рефлексия. Спотыкаясь о предмет, мы либо думаем, что с ним делать, как обойти или использовать, или — что случается с нами гораздо реже — *оборачиваемся к тому, чьм уже всегда было быть*».

Всякий выдающийся философ — к примеру, Р. Декарт [3 С.47-50] — сумел «обернуться», т. е. от *мышления понятиями* отступить в *мышление в стихии понятия*.

Практическая польза таких «отступлений» давно — с платоновских времен — перестала быть тайной, отчего философия в лице метафизики и стала одной из важнейших основ культуры Запада. Произошло парадоксальное оборачивание самого оборачивания: метафизика, сложившаяся под знаком *вопроса о сущности* (что это?), адресованного всему сущему, обернулась «знанием причин»: все что ни есть (сущее), спрошенное на предмет своей сущности (что оно такое есть?) выдало вполне предсказуемый ответ: *сущностный порядок сущего* в точности соответствует *логической структуре определения*, вернее, он эта самая структура и есть. *Быть* — это *быть чем-то*. Где что вещи есть ее форма, *сущность* (чуждость), или определенность той или иной материи (того, *из чего* вещь), а *быть* — это ее *существование*.

Возобновляя вопрос о бытии, Хайдеггер *обращается* к досократикам как истоку и началу пути, пройденного западной метафизикой. Путь метафизики у него, как и у Гегеля, неотделим от реальной (вещественной, материальной, производственной) истории Запада, он есть его — Запада — *собой становление*, платоновская *пайдейя*. Если путь реально не пройден, на него невозможно обернуться. Начало различимо в конце, как и сам конец пути. Но «первое по природе», то, в свете чего различается все, что различается, — само оборачивание, или, как предпочитает Хайдеггер, «шаг назад». Стало быть, непре-

вильно сказано: «возобновляя вопрос о бытии, Хайдеггер обращается...». Сначала обращение и *тем самым* возобновление. Оно происходит в свете обнаружившейся фундаментальной *разницы бытия и сущего*, каковая *есть мы сами, которые тут* (Dasein), *потому что не тут*: единственная возможность бытию быть тут, поскольку оно не вещь, а ее бытие. И само по себе бытие нигде и никак не есть. В свете *онтологической дифференции* — самой по себе темной и непроглядной — высвечивается фундаментальная структура классической метафизики — ее *онто-тео-логическое устройство* как следствие другого фундаментального различия — *сущности и существования*.

Людвиг Витгенштейн оборачивает нас по своему, говоря, не думай, но смотри. Что мы, собственно говоря, должны увидеть в уткузайце, ступеньке, которая навес и т. п.? Как объясняет В. В. Библихин, «смену аспекта». Смена аспекта не в том, что мы должны уметь смотреть на нечто с разных сторон, менять точку зрения на предмет. Суть эксперимента в том, что мы *в одном и том же* рисунке видим *разное*: то зайца, то утку... Сразу увидеть и то и другое мы не в состоянии. Вот это вынужденное перещелкивание или переключение и есть смена аспекта. Она *невидимо показывает* всеобщую форму всякого изображения действительности (рисунка, фразы).<sup>1</sup>

Изображением действительности рисунок или фразу делают не его (ее) элементы, которых всегда мало для верного изображения действительности, а *помещение его (ее) в альтернативу Да!-Нет!*, в альтернативу истины и лжи. Наше «Да!» рисунку говорит о том, что — пусть нам это только *кажется*, но в данный момент *нам кажется именно так* — рисовальщик попал в *то самое*. И мы говорим, да это то. Или, напротив, нет, не то, если не попал.

Во что он попал или не попал? В *само то же самое*, в *тождество* (тождество), в то «первое по природе, а для нас последнее», каковое всегда выступало *началом* в традиционной онтологии (принцип тождества как логическое и онтологическое начало, например, аристотелев ум-перводвигатель), и при этом мыслилось на манер *сущего* (сверхсущего) начала. Но «то самое» у Вит-

---

<sup>1</sup> Платон в «Кратиле» не хуже Витгенштейна показывает всеобщую форму фразы, каковая есть ее — фразы — *артикуляция*. Разрежь слово на значимые отрезки, и обесмыслившееся, оно сложится в целое смысла. Расчлени на иные значимые фрагменты, целое смысла будет иным. Состав слова при этом останется неизменным [4.С.613 — 681].

Для Платона это крах всего предпринятия: попытки подобраться к сущности вещей через их имена. Попытку повторит Аристотель — уже в качестве анализа апофатической (показывающей) речи, показывающей (сказывающей) сущее *поллахос*, — по-разному. Среди способов предикации главное место займет предикация сущности (субстанции)... Спрошенное на предмет своей *сущности* (что оно такое есть по своей сути) все *сущее* послушно выстроится в священноначалие метафизических мест (сущностей). Разрушая иерархию, новоевропейский субъект вознамерится взять роль регулятора сущего на себя. Теперь оно целиком обязано будет отвечать всеобщим человеческим ценностям.

генштейна — не начало, и не сущее, а то, что В. В. Библихин называет «такостью мира».<sup>1</sup>

Вопрос Хайдеггера и Витгенштейна к сущему — не *что* есть *сущее как сущее*, а *как* так получается, что мы *всегда уже* пребываем в *не-сокрытости* — значит, *истине* — сущего как сущего? Так и получается. Само собой. Чего, однако, у нас никогда не получится, так это подвести под неё (несокрытость) основание. Всякое подведение основания под несокрытость имеет своим основанием несокрытость сущего как сущего.

Мир *всегда уже* сложился в целом — за моей спиной. И я — в нем. Целиком мира я никогда не увижу, но только благодаря несомненной, хотя и проблематичной целостности мира я могу *в нем* что-то видеть, ориентироваться, жить среди вещей, животных и людей.

Как вот этот стул бездонно тонет при любой детализации его вещественного описания (мы не можем описать стул полностью), так мир не улавливается через его содержание. Только мир кладет конец неопределенности. Никакая фиксация не спасла бы вещи от шаткости, не имей она опоры в определенности мира [1, С.238]. Только «из» целого мира мы говорим «Да» и «Нет» возможным его описаниям.

*Всё* — предельно просто. Предельная простота всего в целом, кладущая конец неопределенности любого сколь угодно неполного описания, — это красота, печать целого на каждом (А. В. Ахутин). Но все просто *предельно*. Оно ничем *не лимитировано*. Обретаемый в обращении *опыт предела* отличен от *опыта лимита*. До обретения этого опыта, т. е. становления взрослым, юноша (Алкивиад) жил в *лимитированной* вселенной, и его поведение не было *ведением себя*, поскольку направляли его внешние ограничители: сюда можно, туда нельзя. Он не знал, что такое *предел*, обеспечивающий целостность мира. Так вот, опыт предела и есть опыт *того же самого*. И это — *пай-*

---

<sup>1</sup> «...Прежде чем быть объективным или субъективным, мир просто вот такой. Несомненная такость мира не означает ни его объективности, ни субъективности, ни познаваемости, ни непознаваемости, ни реальности, ни иллюзорности: все, чем он кажется или является, может или могло бы быть другим, однако не другое, а именно такое, какое есть: случилось таким, и отменить теперь это уже никак нельзя. Мир может показаться бессмысленным или, наоборот, сверхсмысленным, но раньше всего, что мы в нем видим или не видим, — тот факт, что он уже успел повернуться к нам этой своей видимостью или невидимостью. Что-то всегда уже произошло, и произошло именно так, как произошло. Мы можем потом разбираться в правильности своих восприятий и, допустим, убедиться, что видели все или многие вещи неверно, но *Sosein, suchness, tathata, tathatva* нашего видения или невидения предшествует нашим соображениям и сковывает их своей неотменимостью: соображения случаются тоже именно такие, в таком порядке, с такой «динамикой», какие они есть; все могло бы случиться иначе, но не случилось иначе, а случилось именно так, как случилось, ничего поделать с этим мы не можем, и никто не может, какую бы силу желания ни приложил. Все мнения и знания о мире приходят после его такости и на ее основе <... >. Раньше нашего якобы объективного знания — наша воля к самосохранению. «Мы спроецировали условия *нашего* сохранения как *предикаты сущего* вообще (Ницше)» [2, С.224-226].

*дейя*. Образование в исходном и фундаментальном смысле. Мы становимся взрослыми, когда отдаем себе отчет в *такости* мира. Тем самым мы выходим в пространство логического, в котором *всегда уже* знаем — и знаем правильно, если не отгораживаемся от этого знания, *конструируя некую этику*, что хорошо, а что плохо — как надо вести себя, что надо и чего делать в принципе никогда не следует. И все это без каких-либо дополнительных инструкций и наставлений в нравственности. Вопрос в том, ведем ли мы себя так, как всегда знаем как надо себя вести.

По ту сторону целей и возникающих на пути к ним препятствий (проблем) о которых, как и о средствах их преодоления приходится *помнить*, находится то, о чем *помнить не нужно*, но что обеспечивает нас *миром*, оцеливает сущее у нас за спиной и потому позволяет видеть вещи как они есть и как-то разбираться с ними. Это *артикуляция мира*, его *выпадение* таким, а не другим. Мир — акциденция без субстанции. Мир — выпал таким, а не другим, и он — такой, какой есть. И такой, какой он есть, он раньше, чем он — какой-то (объективный, субъективный, воля, представление...).

Вместо сложной *науки об устройстве мира* перед нами *беспроблемная онтология самого того же самого*. Она же и этика. Ибо опыт *тожества* как *самого того же самого* постигается *на себе*, в чем и состоит «искусство обращения». Оно вводит в *пространство логического*, будучи опытом того, что мир и вещи в нем — *такие, какие есть*. Самого того же самого при этом нигде в мире нет, оно — «не каждое отдельное». О чем однозначно и говорит Платон в «Алкивиаде-1»: «Ну, давай же, каким образом можно отыскать само то же самое». «Сначала следует рассмотреть само то же самое, а мы вместо того же самого рассмотрели само каждое отдельное...» (Фрагменты 129 b 2 и 130 d 3 sqq. Перевод Е.В. Алымовой) [4, С.256-259].

«Чистое присутствие (так Библихин переводит *Dasein*) — в котором человек только и узнает себя, а ни в чем другом не узнает, не «похоже на», а то же самое и есть, что такость мира. Антропоморфизм кончается там, где человек возвращается к своему существу» [2, С.227].

Философ Хайдеггер угадал в то самое, о чем думал философ Аристотель. Естественно, он сделал это по-своему. Это и есть *шаг назад* в отличие от гегелевского *снятия*.

Начиная с Аристотеля и вплоть до Хайдеггера (но и это не конец *философии*, а лишь завершение *метафизики*) главное дело философии — бытие. Но разве — тем самым — не оборачивание? Да немецкий мыслитель тщательно отделяет свой «шаг назад», к примеру, от гегелевского «снятия», но это все равно *шаг назад*, открывающий «оставшееся непомысленным» в мышлении мыслителей прошлого, которые так или иначе, но *все* угадали в само то же самое и потому остались в истории философии.

Мухоловка — тот же лабиринт; муха дохнет в мыльной пене, философа, застрявшего в тупике, в который его завели поиски решений воображаемых «философских проблем», незамедлительно съедает Минотавр. Что же касается философии, то какие у нее проблемы? У философии проблем нет. Ведь ее

вопрос, вопрос о бытии — не из тех, что решаются, какими-то «методами», хотя бы и философскими. Это не препятствие (исходно гр. *проблема* — препятствие на пути), которое обходят, преодолевают и т. п. «Проблемы» с философией возникают у философов, созидаящих ее «проблемное поле» и не потрудившихся понять, чем это таким они занимаются. А ведь Платон (Ариадна) дал нам нить...

#### ЛИТЕРАТУРА

1. *Бибихин В. В.* Витгенштейн: смена аспекта. М., 2005.
2. *Бибихин В. В.* Язык философии. Изд. третье, стереотипное. СПб., 2007.
3. *Декарт Р.* Разыскание истины. СПб., 2000.
4. *Платон.* Соч. Т. 1. М., 1990.
5. *Платон.* Соч. Т. 4. М., 1994.
6. *Хайдеггер М.* Учение Платона об истине // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М., 1993.

#### TRANSLIT

1. *Bibijin V.V.* Vitgenshtein: smena aspekta. M. 2005.
2. *Bibijin V.V.* Iazyk filosofii. SPb. 2007.
3. *Descartes R.* Rasyskanie istiny. S. P. 2000.
4. *Platon.* Soch. T. 1. M., 1990.
5. *Platon.* Soch. T. 4. M. 1994.
6. *Heidegger M.* Vremia i bytie. Statji i vystuplenia. M., 1993.